
ВЕЛИКИЙ СОВРЕМЕННОК

Много или мало мы знаем об истории?

С одной стороны, много: одно лишь итальянское Средневековье, о котором идет речь в этой книге, оставило после себя громадное количество хроник, мемуаров, писем, деловых бумаг, которые досконально изучили поколения историков. С другой стороны, огорчительно мало — даже о таких знаменитейших людях той эпохи, как Данте Алигьери. Важные моменты их биографии скрыты завесой молчания, неизвестны истинные мотивы их поступков, обстоятельства семейной и личной жизни, многие черты характера. Нашим современникам, интересующимся всем этим, остается прибегать к услугам романистов, в меру сил закрашивающих оставленные историками белые пятна. Это таит в себе угрозу: воображение часто уводит писателя слишком далеко от истины, искажая не только обстоятельства событий прошлого, но и их суть. Такие отступления от истины особенно сильны в русской литературе, где писательский субъективизм десятилетиями дополнялся сознательной фальсификацией в духе господствующей идеологии. Неменьший вред причиняет — и на Западе, и у нас — коммерческое освоение исторических событий, приносящее истину в жертву цветистой, пошло-романтической сказке.

В этих условиях можно только порадоваться наличию литераторов, которые в своих произведениях описывают реальную, а не скроенную по голливудским лекалам жизнь исторических персонажей, заполняя лакуны в их биографиях бережно и аккуратно. Именно такова книга о Данте, созданная Анной Ветлугиной — писательницей, музыкантом, композитором, хорошо знакомой с Италией и ее древней культурой. Ей удалось уйти как от сухого пересказа обстоятельств жизни героя, так и от неудержимого фан-

тазирования, которое в данном случае особенно соблазнительно. Всегдашнее бунтарство Данте, его пылкая и в то же время совершенно бесплотная любовь к Беатриче, его скитания по нездешним мирам — все это соблазняет объявить его пророком, безумцем, адептом тайных знаний... Короче, кем угодно, только не обычным (пускай и гениальным) человеком своей эпохи. Между тем герой книги Ветлугиной — именно такой человек. Мальчик, зябнувший от холода телом и душой в доме сурового, нелюбимого отца. Юноша, мечтающий о любви и творчестве и добившийся высшей цели, обессмертив в творчестве свою любовь. Политик, потерпевший провал из-за своей гордости и негибкости, отвечающих его истинному имени Дуранте — «твердый». Поэт, впервые решившийся писать о высоких материях «кухаркиной речью», из которой с его легкой руки вырос итальянский литературный язык.

Главный порок современных романов, в том числе исторических — малолюдь. Их населяют картонные люди-функции, люди-маски, оттеняющие облик главного героя, обычно до смешного похожего на автора. Книга Ветлугиной (как и ее предыдущие труды) не такая: в ней живут и беседуют живые, не похожие друг на друга персонажи. При этом говорящие и думающие именно так, как говорили и думали итальянцы XIII века — без неуместных новаций, которыми щедро усеяны псевдоисторические книги и особенно фильмы. Этому неторопливому стилю средневековых хроник вольно или невольно следует и автор, что придает написанному ею дополнительную убедительность. Перед читателем словно наяву проходят персонажи — любимая, страдающая жена Данте Джемма Донати, ее жестокий кузен Корсо Донати, вынудивший поэта покинуть родную Флоренцию, коварный друг героя Гвидо Кавальканти, их общая, одна на двоих, возлюбленная Джованна — мимолетная «земная любовь» Данте в отличие от любви небесной, вечной — Беатриче. Ее тень витает над страницами романа, как витала некогда над всей жизнью Данте с его первой — в девять лет! — встречи с девочкой в красном платье. Важная деталь: принято считать, что поэт общался со своей Донной лишь дважды, но у Ветлугиной описаны их куда более частые встречи и разговоры. Это больше похоже на правду: жить рядом с предметом любви и не перекинуться с ней ни словом, ни взглядом сложно даже для такого робкого влюбленного, каким был Данте. Беатриче в романе предстает не поэтическим идеалом, а живой девушкой —

умной, обаятельной, практичной. Умелыми штрихами писательница рисует черты ее и других персонажей, вплоть до самых незначительных вроде няньки Паолы. Есть и герой-загадка, герой-символ — птичник Луций, провожающий героя на земном пути, как Вергилий провожал в неземном странствии его поэтического двойника.

Великому творению Данте — «Комедии», получившей века спустя эпитет «божественной», — в книге уделено не так уж много места, как и другим сочинениям поэта. Это вполне оправданно: перед нами не трактат о творчестве Данте, а его художественная биография, где жизнь самого автора, его мысли и чувства важнее приключений его героев. Жаль, что неподготовленный читатель остается в неведении о содержании «Комедии», о ее связи с историей, литературой, богословием той эпохи, нашедших в лице Данте гениального, хотя и резко пристрастного истолкователя. Но это легко исправить, обратившись к самой поэме — к любому из пяти ее русских переводов, хотя предпочтительнее, конечно, привычный перевод Михаила Лозинского с подробными комментариями. К сожалению, научно-популярных работ о Данте в нашей стране не выходило уже полвека, со времен книги Ильи Голенищева-Кутузова в серии «ЖЗЛ». Но, конечно, такие работы еще появятся — ведь при всей своей «средневековости» мысли и чувства великого флорентийца близки нам, как мысли и чувства всех истинных гениев. А значит, Данте остается нашим современником, что еще раз подтверждает увлекательная книга Анны Ветлугиной.

*Кандидат исторических наук
Вадим Эрлихман*

Пролог первый
ПОЧЕМУ... ДАНТЕ?

В мире литературы известны яркие, бесспорно гениальные произведения — своеобразные текстовые глыбы, сравнимые разве что с высокими труднодоступными горами. Эти громады властно отбрасывают вокруг себя густую тень, надолго скрывающую все остальное. Таковы, например, «Илиада» и «Одиссея» Гомера, знаменитые пьесы Шекспира, «Дон Кихот» Сервантеса. В этот, весьма ограниченный, шорт-лист великих книг всех времен и народов, несомненно, входит и «Божественная комедия» Данте Алигьери.

Литературные памятники живут долго — многие десятилетия и даже века. Но следует признать, что пищей для ума новых поколений они не служат. Высокое слово классика сиюминутно не воспринимается, не настраивает на панибратство, да и читателя больше «цепляют» современные, пусть и не столь выдающиеся тексты. Иногда классические шедевры пытаются переосмыслить, осовременить в экранизациях или театральных постановках. Подобные авангардные версии вызывают противоречивые эмоции: кто-то не признает их вообще, довольствуясь первоисточником, другие проявляют кратковременный, быстро угасающий интерес. Все эти каверы и кроссоверы, сколь бы талантливы ни были их создатели, все же не смогут стать базисом подлинной культуры, да и не должны — ведь они вторичны по определению.

В итоге литературные памятники так и остаются холодными заснеженными вершинами. На них благоговейно взирают издали. Самые смелые из читателей могут даже подняться и, борясь с недостатком кислорода, полюбоваться их величественной красотой с более близкого расстояния. Но остаться на этой высоте жить, тем более, что называется, «расти» на этих книгах, мягко говоря, сложно.

Кажется, что «Божественная комедия» Данте полностью подпадает под определение ценного музейного экспоната мировой литературы. Она не только описывает малопонятные, не встречающиеся в обычной жизни вещи и события, но и язык повествования выбран, словно специально для того, чтобы испытать читателя на прочность. Стихи, да еще и неквадратные. Терцины. Зачастую Данте даже приписывают изобретение данной рифмовки. Но, по словам самого поэта, автором столь изящной стихотворной формы был его учитель — Брунетто Латини. Данте же использовал терцины потому, что в числе «три» видел образ Пресвятой Троицы.

Какую актуальность в наши дни сплошного экшена может иметь толстенный фолиант возвышенной поэзии? Кажалось бы, она должна стремиться к нулю. А между тем с середины XX века интерес к творчеству флорентийского гения постоянно растет. Хорхе Луис Борхес в 1982 году создал «Девять эссе о Данте» с цитатами из «Божественной комедии». В 1949 году Дерек Уолкотт, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе, находясь под влиянием Данте, написал «Эпитафии на молодых: XII песен»*.

К концу XX столетия пиетет перед «Божественной комедией» в статусе литературного памятника постепенно сменяется прямо-таки нездоровым интересом. В Америке особым трендом становится переосмысливать и использовать творение Данте в своих текстах. В 1976 году американские писатели Ларри Нивен и Джерри Пурнель создают продолжение «Божественной комедии» — роман «Инферно»**.

По сюжету некий фантаст во время встречи с читателями умирает и попадает в ад, где почему-то главенствует Муссолини. Более тридцати лет спустя, в 2009 году, появляется «продолжение продолжения» — роман этих же авторов «Побег из ада»***. И одна из создателей афроамериканской литературной традиции, писательница Глория Нейлор в своем романе 1985 года «Линден Хиллз»**** использует «Ад» великого флорентийца, чтобы рассказать о путешествии двух темнокожих поэтов, пытающихся заработать в домах богатых соотечественников накануне Рождества.

В 2002 году еще один американец — Ник Тошес издает роман «Рукою Данте». По его сюжету подлинная рукопись

* «Epitaph for the Young: XII Cantos» (англ.).

** «Inferno» (лат.).

*** «Escape from Hell» (англ.).

**** «Linden Hills» (англ.).

«Божественной комедии», оказывается, исчезла много столетий назад. Теперь она найдена — и об этом удивительном факте становится известно американскому исследователю творчества Данте. Но сенсация мирового масштаба быстро превращается в неразрешимую загадку. Финал литературного памятника написан явно не флорентийским гением. Но кем же?

Весь этот список литературы достаточно известен за пределами Америки, но первую строку рейтинга современных дантовских фанфиков, несомненно, занимает «Инферно» Дэна Брауна (2013). Писатель сделал историю создания «Божественной комедии» и ее содержание одной из главных сюжетных линий своего романа. Книга вызвала большой интерес во всем мире, включая Россию. Причем ее почитатели — вовсе не утонченные знатоки и любители Средневековья, а широкая читательская аудитория. Ничего удивительного: действие романа происходит в наше время, а сам текст представляет собой качественный детектив со всеми признаками жанра — злодеем, погоней, тайным обществом, опасными агентами. Главный герой уже известен читателю по предыдущей нашумевшей работе Брауна «Код да Винчи». И снова он исследователь. Утонченный эстет и специалист по не слишком расхожим вещам — истории искусства и символизму, — американский профессор.

Уже от этого шедевра популярной литературы многие «настоящие» ценители Данте могли бы брезгливо скривиться. Но им пришлось пережить еще большее оскорбление. В 2010 году появилась компьютерная игра «Dante's Inferno» («Ад Данте») — кровавый боевик, главный герой в которой — гений всех времен и народов Данте Алигьери.

Исполнительный продюсер Джонатан Найт отзывается о «Dante's Inferno» так: «Сюжет построен на первой части поэмы, в которой Данте отправляется в ад, чтобы вернуть душу своей возлюбленной Беатриче, которую похитил сам Люцифер. Главному герою предстоит пройти через девять кругов ада: лимб, сладострастие, чревоугодие, жадность, гнев, ересь, насилие, обман и предательство... Это замечательная возможность объединить великолепную игру с великолепным сюжетом».

Сюжет и вправду оказался крайне подходящим для виртуальной реальности. Динамичная «бродилка» по фантастическому, но очень подробно и четко выстроенному миру. В описании игру называют «высокотехнологичным

боевиком от третьего лица». Но «технологии» здесь применимы, скорее, к высокому качеству анимации, чем к сюжетным подробностям. Пользователей XXI века сложно удивить сверхдальностью и сверхточностью оружия, как и любителей фэнтези изощренной магией. И на сцену выходят древние христианские символы. Данте сражается косой, в которой нет ничего волшебного. Она не выкована из серебра на горе в день полнолуния и не сделана гномами в недрах земли. Она лишена магических свойств, не ищет себе жертв сама, как меч Тюрвинг из «Старшей Эдды», и не останавливает кровотечение, как ножны меча короля Артура. Ее сила в другом — она трофей, захваченный Данте в бою со Смертью. Второй предмет, с которым главный герой никогда не расстанется, это распятие, подаренное Беатриче. Помимо своего основного культурно-религиозного кода, оно — семейная реликвия рода его любимой девушки. Здесь можно было бы поговорить о вечных человеческих или традиционных ценностях, но вряд ли эта тема послужила причиной неожиданной актуальности стихов средневекового поэта. Тогда что?

В самом конце XX века в дантоведении появляется новая необычная фигура: Франко Нембрини (род. 1955), педагог и писатель. Он рос в непростых условиях: в семье было десять детей, а отец страдал рассеянным склерозом. С двенадцати лет Франко пришлось работать помощником продавца в чужом городе. Однажды после десятичасового рабочего дня ему велели разгрузить машину.

В своей трилогии «Данте, поэт желания» Нембрини вспоминает: «...у меня не было больше сил работать, но я носил тяжеленные ящики по крутой лестнице и плакал. И вот, в очередной раз поднимаясь по лестнице, я остановился — оттого, что из глубин памяти вдруг всплыла терцина из “Рая”, где пращур Данте Каччагвида предсказывает ему изгнание:

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням».

Двенадцатилетнему Франко в тот момент показалось, что он не один. Рядом оказался человек, умерший более шести веков назад, но удивительным образом знающий и чувствующий, что творится сейчас, в конце 1960-х, в душе простого итальянского мальчика.

Этот удивительный духовный опыт мог так и остаться мимолетным переживанием, но Нембрини, став взрослым, выстроил на его основе концепцию. Итальянский исследователь увидел в Дантовом творении интерактивный квест за несколько десятилетий до создания компьютерной игры «Dante's Inferno». В аннотации к книге Нембрини указано, что «Божественная комедия» не просто средневековый шедевр, а живое произведение, предлагающее читателю пройти путь каждого дня и всей жизни на должной высоте, когда «...даже самая ничтожная деталь, каждое слово, любая привязанность, зародившаяся сегодня вечером, или симпатия, возникшая накануне, — всё, даже самое мелкое и незначительное, связано со звездами, бытием, тайной и поэтому спасено».

Франко Нембрини открыл новую страницу в дантоведении. Он начал говорить о «Божественной комедии» с аудиторией совершенно неподготовленной, далекой и от поэзии, и от средневековых реалий. Его книги о Данте стали итогом более чем тридцатилетнего опыта публичных лекций для школьников и домохозяек, с которыми он выступал в Бергамо в школе «Ла Трачча» либо в театре. Он демонстрировал, что «Божественная комедия» — не заумный текст, а приключение, цель которого понять, как человек может найти в себе силы жить в наитруднейшей ситуации и как научиться быть верным себе, не предавая своих устремлений.

Подобные мысли о творчестве Данте звучат и в лекциях нашего современника — украинского философа Александра Филоненко. По его словам, «Божественная комедия» — это «...книга о том, как взять человека, открывшего страницы, и ввергнуть его из бедственного состояния в состояние счастья. Этот путь и есть задача автора».

Как же все-таки поэту средневековой Флоренции удалось создать такой «интерактивный» текст, цепляющий за живое человека XXI столетия?

Никто не в силах измерить гениальность линейкой и определить в процентном соотношении, как действует на читателя тот или иной литературный прием. Но какие-то тенденции прослеживаются. Первое: как уже говорилось, «Божественная комедия» — стопроцентная «бродилка». Ее мир наполнен богатейшей галереей персонажей и одновременно схематичен, как компьютерная игра. Персонажи, в свою очередь, имеют двойственную или даже тройственную природу: герои дантовского повествования, во-первых, — великолепно выписанные живые люди;

во-вторых, они, как правило, — реальные исторические личности; и, в-третьих, они представлены аллегорическими фигурами, воплощающими тот или иной порок или какую-либо добродетель. Если всматриваться в «Божественную комедию» именно под этим углом, приходит мысль: почему игра «Dante's Inferno» появилась так поздно? Почему не в числе первых компьютерных игр? Хотя на это имеется простой ответ: компьютерная индустрия должна была дорасти до определенного уровня совершенства, прежде чем брать-ся за Данте.

Итак, мы частично разобрались с «декорациями» этого удивительного повествования и с персонажами, составляющими свиту, или кордебалет. Но кто же главный герой?

Отыскивая ответ, мы вновь сталкиваемся с многогранной наполненностью личности, совершенно обычной для персонажей современных книг, включая жанровые, но абсолютно нехарактерной для литературы времен Данте.

Итак, главный герой «Божественной комедии» несет в себе такое же триединство, как и мир, его окружающий. Он — активно действующий, живо представленный на страницах книги человек. Он же — аллегорическая марионетка, мечущаяся между зыбкостью человеческих страстей и стабильностью Божьих заповедей. И он же — бесстрастный автор, создавший героя и наперед знающий его путь.

Последнее обстоятельство привносит в повествование тень искушения. Фигура Данте окутывается ореолом мистики. Известно, что великий поэт упрятывал в ад своих врагов, описывая подлинные обстоятельства их смерти. Описывая... а может быть, предчувствуя или даже создавая?.. Ведь время возникновения черновиков «Комедии» никому не известно. Зато известны строки первого биографа Данте Алигьери поэта Джованни Боккаччо:

«Когда творения Данте уже повсюду славились... он шел однажды по улице Вероны мимо дверей, перед которыми сидело несколько женщин, и одна из них сказала, понизив голос:

— Посмотрите, вон идет человек, который спускается в ад и возвращается оттуда, когда ему вздумается...

На что другая бесхитростно ответила:

— Ты говоришь истинную правду: взгляни, как у него курчавится борода и потемнело лицо от адского пламени и дыма».

Сохранились и документы судебного процесса 1320 года против некоего Маттео Висконти, который будто бы хо-

тел извести черной магией папу Иоанна XXII и, не достигнув результата, обратился за помощью к «величайшему магу Италии» — магистру Алигьери из Флоренции. Данте якобы имел и тесные связи с загадочным и зловещим орденом тамплиеров. Скорее всего, это было какое-то обычное сотрудничество, общение, не более того, но оно тоже обросло темными легендами.

К счастью, это касается лишь одной части личности гения. Другая — наполнена светом неземной любви к рано умершей подруге детства Беатриче. Эта любовь выводит поэта из мрака преисподней, через тяготы чистилища, в небесную райскую обитель.

Так все же почему поэма Данте стоит особняком? Ведь в мировой литературе хватает произведений с элементами квеста. Но именно «Божественная комедия» позволяет пережить своего рода личностный квест, путешествие человека внутри самого себя, в своей душе — от мрака к свету. Не случайно вспомнившийся фрагмент «Божественной комедии» помог дотащить юному Франко Нембрини тяжелые ящики. Не случайно Данте и его шедевр становятся основой сюжета новых книг и темами многочисленных лекций. Постоянно появляются всё новые и новые дантоведы, среди которых наш современник, итальянский ученый, философ и писатель Умберто Эко (1932—2016). Именно он выделил в «Божественной комедии» непривычный «мейнстрим» ада, а в описании рая сумел разглядеть гениальную схему-пророчество новой виртуальной реальности, которая уже существует и в ближайшем будущем коснется всех нас.

Пролог второй
УБИТЬ ДАНТЕ

Такое название, наверное, лучше бы подошло мультипликационному фильму «Ад Данте: Анимированный эпос»*, созданному в 2010 году мультипликаторами США, Японии, Сингапура и Южной Кореи, почти одновременно с компьютерной игрой «Dante's Inferno». Кажется, все перипетии сюжета этого эпического аниме преследуют лишь одну цель: увеличить количество батальных сцен и число опасностей, подстерегающих главного героя. Ужасы, с которыми в реальном тексте «Божественной комедии» главному герою чаще всего приходится сталкиваться визуально, вызывая лишь эмоциональную реакцию: «...и я упал, как падает мертвец», в мультипликационном экшене превращаются в бесконечный кровавый интерактив. Таков закон жанра боевика. Трудно втиснуть в эти декорации образ Данте с мрачной гравюры Густава Доре или с портрета работы Сандро Боттичелли в лавровом венке и с гордым профилем мыслителя! Правда, если задуматься, то шедевр Боттичелли плохо вяжется с расхожим стереотипом о том, как должен выглядеть поэт. И правильно. Романтичным «юношей бледным со взором горящим» наш герой никогда не был. Как и кабинетным ученым, ничего вокруг себя не видевшим, кроме пыльных манускриптов. Создатель «Божественной комедии» ощущал себя больше политиком, чем литератором, и достиг на этом поприще немалых высот, став одним из семи приоров — правителей независимой коммуны города Флоренции. О воинском деле он тоже знал не понаслышке, приняв участие в жестоком Кампальдинском сражении между флорентийцами и жителями Ареццо.

Так, может, анимационный персонаж, лихо размахива-

* «Dante's Inferno: An Animated Epic» (англ.).

вающий кривой смерти и, в конце концов, побеждающий самого Люцифера, правдивее депрессивного визионера Доре или увенчанного лаврами философа Боттичелли? Однако любой человек, хоть немного разбирающийся в европейской культуре эпохи Возрождения и знающий биографию Данте, пусть даже поверхностно, в сценарии мультфильма «Ад Данте» сразу же найдет грубые ошибки и несоответствия. При этом «дантово» аниме никак нельзя назвать дешевым ширпотребом. К созданию этого фильма продюсеры подошли очень серьезно, пригласив известнейших режиссеров, среди которых Ясуоми Умэцу, автор аниме «Кайт — девочка-убийца»* (1998) и «Красотки-головорезы»** (2002), и Мурасэ Сюко, создатель научно-фантастического аниме «Эрго Прокси»*** (2006) и аниме-сериала «Робин — охотница на ведьм»**** (премьеры в 2002 году). И уж, конечно, вряд ли бы в таком дорогом проекте стали бы экономить на консультантах-дантоведах.

Конечно, все ошибки были сделаны сознательно. Сюжет требовалось адаптировать в расчете на многомиллионную аудиторию, большая часть которой не только никогда не читала Данте, но даже и не планировала делать этого. Перед авторами сценария «Ада Данте» стояла точно такая же задача, как перед любым рядовым сценаристом, работающим в производстве телесериалов: написать историю, которая бы максимально воздействовала на определенную аудиторию. В данном случае — любителей компьютерных игр и боевиков. Нужно было не столько упростить сюжет, сколько расставить в нем немного другие акценты и добавить батальных сцен, тем самым полностью изменив жанр. «Божественная комедия» ведь вовсе не боевик, а вполне мирное, хотя и достаточно эмоциональное путешествие наблюдателя по некоему аллегорическому миру, населенному вполне реальными персонажами. Понятно, что неадаптированный первоисточник для игры и анимационного фильма не сгодился бы.

Как оценивать масштабный труд создателей «Ада Данте»? Как надругательство ради денег над памятником культуры? Как любопытную кавер-версию классики? Или, может, как некий способ миссионерства?

Последняя версия не так уж парадоксальна, ведь сце-

* «Kite» (англ.).

** «Mezzo Forte» (англ.).

*** «Ergo Proxu» (англ.).

**** «Witch Hunter Robin» (англ.).

наристы кровавого мультфильма немногим отличаются от своих средневековых предшественников, сочинявших назидательные истории для площадных мистерий. В этих постановках христианская мораль и крайняя набожность с легкостью совмещались с разнузданными, почти богохульными фрагментами. В основу какого-либо канонического сюжета вставлялись так называемые дьяблери (дьявольские сцены) или просто бытовые фарсовые сценки. Тем не менее мистерии считались не развлекательным, а просвещающим мероприятием для безграмотного народа, не читавшего Священного Писания.

Таким образом, вопрос о профанации высокого искусства и эстетическом надругательстве над Данте в компьютерной игре и в аниме остается открытым.

Интереснее другое. Почти одновременно с выходом в свет игры «Dante's Inferno» комиссия европейских экспертов под руководством итальянки Валентины Серени решила изъять «Божественную комедию» из всех школьных программ за недостаточную толерантность и «элементы расизма».

Этот факт возмутил многих, в том числе русского поэта и специалиста по Данте Ольгу Седакову. В статье «Дело Данте» она писала:

«Многие годы занимаясь Данте, я была... поражена этим диагнозом (расизм!)...

“Комедия” уже вошла некогда в список запрещенных книг, но по другому поводу: ее автор высказывался о современных ему папах и вообще о праве Понтифика на светскую власть таким образом, что иначе как еретичеством это не могло быть названо. Данте был одним из первых, защищавших идею “разделения властей”, духовной и светской: иначе говоря — одним из отцов секуляризма.

Этот проект, осуществившийся в Европе много позже, после Просвещения, предполагает, что общественная жизнь управляется не теократическими законами, а универсальными законами разума и морали, общими, как предполагалось, для всех людей и заключенными в самой человеческой природе.

Обвинение в еретичестве давным-давно снято с “Комедии”. Два ключа — мирской и духовной власти — сохраняются в гербах пап, но о мирской власти Церкви речи уже давно не идет. Иоанн Павел II лично покровительствовал Дантовскому обществу. Теперешнее требование запретить Данте исходит как раз от секуляризма в той его форме, которую он принял к нашим дням».

Вот уж действительно всё в точности, как в поговорке: за что боролись, на то и напоролись! Данте стал авторитетом для римских пап, а современному европейскому обществу его «Божественная комедия» показалась чрезмерно «католической».

За два года до «Дела Данте» Совет Европы потребовал удаления распятий из итальянских школ. Тогда и школьники, и преподаватели вышли на улицы с плакатами «Большинство тоже имеет свои права!». Протестовавшие не считали себя особенно верующими. Просто они ощутили, что распятия, висевшие в школах много веков подряд, неотделимы от их культурной самоидентификации, и встали на ее защиту.

Современный цивилизованный мир всё чаще называют «постхристианским», но его культурный базис построен на христианских символах. В этом заключен конфликт идей, который прорывается наружу не только на страницах книг и в решениях Совета Европы, но и — увы — в терактах. Ольга Седакова прямо называет в своей статье подобные процессы битвой за Крест. Оружием в этой битве становится христианская культура, воплощенная в книгах, в живописи, в музыке. Вопрос: как пользоваться этим оружием? Хорошо сохранять шедевры в неприкосновенности? Только музей однажды может стореть, и тогда окажется, что сердца людей — более надежное хранилище. Мы далеки от мысли превознести до небес компьютерную игрушку про Данте, но ведь наверняка многие, поиграв в нее, заглянули в подлинную «Божественную комедию». А если бы создатели побоялись нарушить историческую правду и замысел классика, то охват аудитории оказался бы в разы меньше. Да что там говорить, вообще бы никакой игры не получилось!

Вспоминаются слова Христа: «...если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода»*.

Так что «убийцы» великого классика могут с легкостью оказаться невольными (а может, и осознанными) сеятелями нового интереса к его творчеству.

Биографий Данте Алигьери, как и анализа его «Божественной комедии», за семь с половиной веков уже написано множество томов на самых разных языках. Какой путь должен выбрать создатель новой биографии? Систематизи-

* Ин. 12:23.

ровать все эти почти тысячелетние исследования? Скорее всего, такая систематизация не поместится в одной книге, ведь Данте изучали не только очень долго, но еще и с разных позиций. Кого-то интересовала поэтика, кого-то — библейские сюжеты и модели, кого-то — исторический контекст и психология героев. Есть даже исследование о том, как именно читал и воспринимал Данте Александр Сергеевич Пушкин*. Есть «Разговор о Данте» Осипа Эмильевича Мандельштама, и есть исследование этого «Разговора» авторства Константина Глебовича Исупова. Последний, кстати, отмечает «беспрецедентную торопливость», «с которой возникают первые комментарии к “Божественной комедии” (сыновья Данте, Боккаччо, создавший кафедру по изучению наследия великого соотечественника, что дало повод знаменитому золотых дел мастеру, ваятелю и поэту эпохи Чинквеченто, современнику Леонардо, Микеланджело и Рафаэля — Бенвенуто Челлини, сказать: “...эти толкователи заставляют его (Данте. — *А. В.*) говорить такое, чего он никогда и не думал”»).

Вина здесь не многочисленных комментаторов, а самого Данте. Уж слишком необычную и многослойную конструкцию ему удалось создать. Каждому, кто проникся ее величием, так и хочется выразить свое к ней отношение, а может, даже поиграть в «Dante's Inferno»? Думал ли Франко Нембрини, что прославится своими лекциями о Данте для домохозяек? Великий флорентиец вошел в его жизнь без стука и пригласил пройти квест по самопознанию.

* * *

Для автора этой книги Данте стал одним из проводников в мир христианства, здесь тоже имело место нечто глубоко личное. Именно это, личное, и сподвигло автора взяться за художественную реконструкцию биографии итальянского гения, чтобы найти для себя ответ всего на одну из многих дантовских загадок. А именно: всегда ли Данте творил в плоскости Священного Писания? Не было ли магическое мышление одним из его искушений? Не пытался ли он влиять на своих недоброжелателей с помощью текста? В «Божественной комедии» описаны страдания и гибель папы Бонифация VIII, французского короля Филиппа IV

* См.: *Асоян А. А.* Пушкин — читатель Данте. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии (РХГА), 2017.

Красивого, папы Климента V, родственника и смертельного врага Данте Корсо Донати... Скорее всего, печальные события сначала произошли с этими людьми, а потом уже стали сюжетными линиями поэмы, но... точной даты создания каждой из песен никто не знает. Зато есть упоминание о «величайшем маге Италии», есть связи с тамплиерами, есть некий мистический ореол вокруг личности поэта. Вероятно, он возник как раз из-за темы ада, столь тщательно разработанной в поэме. Но что мог подумать об этом сам Данте, если картинки врагов, мучающихся в аду, появлялись в его воображении все-таки раньше их реальной гибели?

В игре «Dante's Inferno» всё абсолютно честно и примитивно построено именно на магии. Таков формат подобных компьютерных игр. При этом в ней воссоздана абсолютно христианская картина мира, где существуют два пути — две ветви — развития: порок и святость. Именно они и отвечают за умение и навыки игрока. Если покарать врага или заблудшую душу, то вы получите очки опыта в ветвь порока. Если освободить душу, то вы получите очки опыта в ветвь святости. На каждую ветвь приходится по семь ступеней (уровней), повышая их, вы приобретаете себе новые навыки. Кстати, весьма в духе мировоззрения средневекового человека. Но не везде и не всегда XIII век понятен XXI. Поэтому интересно сопоставить два мира Данте: исторический и созданный для современного массового восприятия. Мы попробуем сделать это. От кадров жестокой кровавой анимации перенесемся во Флоренцию, Париж и Равенну времен Данте, поймем, где создатели компьютерной игры переписали историю и почему.

Глава первая
ДРАГОЦЕННЫЕ ШАРИКИ

Аниме «Ад Данте» следует сюжету «Божественной комедии», а не биографии ее создателя. Но в самом произведении много биографических черт, и авторы мультфильма увлеченно рассказывают историю Данте и с помощью красочных флешбэков, и путем встреч в аду с некоторыми умершими (как было и в оригинале). Поэтому, чтобы «выпрямить» линию жизни Данте, нам придется выискивать в мультфильме биографические куски и расставлять их по порядку.

Итак, детство. Среди комментариев к игре мне запомнился крик души неизвестного пользователя: «...все нервы растерял на отце дантэ, наверное попытки с 20 только убил» (орфография сохранена. — *А. В.*). Отец там действительно редкостный подонок, помешанный на богатстве, он зверски избивает мать нашего героя, не забывая при этом издеваться над его желанием стать поэтом. В аниме справедливость торжествует, если это можно так назвать. Нарисованный герой вступает в поединок со своим отцом, побеждает, затем низвергает родителя в кучу золота, где тот показательно тонет.

Как же происходило на самом деле? Характер Алигьери Алигьери (так звали отца нашего героя), видимо, впрямь имел не сахарный. Сын его недолюбливал и к тому же всю жизнь стыдился из-за занятия родителя ростовщицеством. Но в то время люди знали и ценили свое родословие намного больше, чем сейчас. Поэтому в противовес «плохому» предку Данте совершенно необходимо было найти «хорошего». И таковой, конечно же, имелся. Согласно семейному преданию, род поэта вел свою историю от знатных римлян Элизеев, основавших Флоренцию. А прапрадед нашего героя, Каччагвида был героем Крестового похода

1147—1149 годов, организованного германским королем Конрадом III. Сам король посвятил Каччагвиду в рыцари, после чего тот погиб в бою с мусульманами. Героический прапрадед и стал предком-гордостью, которого Данте противопоставлял недостойному отцу.

Интересно, что фамилию Алигьери наш герой получил по женской линии. Героический Каччагвида был женат на даме из ломбардской семьи Альдигьери да Фонтана. Имя Альдигьери переделали в Алигьери и назвали им одного из сыновей Каччагвиды, с него-то и началась официальная история рода. Его сын Беллинчоне, дед Данте, пострадал от борьбы гвельфов и гибеллинов, как позже его знаменитый внук. Но дедушке повезло больше: он смог вернуться в родной город после поражения и гибели Манфреда Сицилийского при Беневенто. Это случилось в 1266 году, когда Данте исполнился год.

Кстати, Данте — всего-навсего сокращенный вариант имени Дуранте, столь же распространенного в Италии, как у нас «Петя» или «Вася». Удивительно, что такой уважаемый человек вошел в историю под неполным именем.

Дуранте Алигьери пришел в этот мир в 1265 году, во времена, когда о загробной жизни думали больше, чем сейчас, и день смерти значил больше дня рождения. Поэтому точной даты появления на свет одного из крупнейших поэтов в истории человечества не сохранилось. Но примерно известно, что это была последняя декада мая. Он сам писал, что родился под знаком Близнецов. Да, в XIII веке люди тоже имели представление о таких привычных для нас знаках зодиака, а сама астрология, очевидно, появилась вместе с человечеством. Во всяком случае, в Вавилоне она точно процветала, а некоторые исследователи относят ее возникновение к периоду так называемой мустьерской эпохи, то есть около сорока, а то и ста тысяч лет назад.

Но вернемся к детству нашего героя. Каким бы «плохим» ни был его отец, он не мог избивать свою жену на глазах Данте, поскольку мальчик матери не помнил. Она умерла очень рано, а его воспитывала мачеха, мадонна Лаппа, о которой ничего плохого сказать нельзя.

Попробуем представить себе отчий дом великого поэта. Хотя зачем представлять, когда можно съездить и посмотреть? Музей Данте располагается в центре Флоренции, в старинном квартале недалеко от церкви во имя святой Маргариты Антиохийской (Санта-Маргерита-деи-Черки). Там, на улочке Санта-Маргерита будущий поэт встретил маленькую девочку, которую потом прославил в веках.

Дом семьи Алигьери имеет мрачный вид, как положено средневековым строениям, материал тоже вполне аутентичный. Вот только время его постройки относится к началу XX века. Неудивительно. Флоренция постоянно и активно перестраивалась. Это касается даже известных соборов, которые выросли на фундаментах античных храмов и сильно менялись с течением веков. Что и говорить о частных постройках!

Дом Данте ушел в небытие, возможно, еще при жизни хозяина, ведь жилище изгнанников порой разрушали с назидательной целью. А вновь его решили отстроить из патристических настроений. В середине XIX века Италия стала единым государством и этому государству срочно понадобилось «наше всё». Помимо масштаба творчества — бесспорного и недостижимого — Данте имел еще один плюс: он не принадлежал безраздельно к какому-либо одному городу, за него боролись родная Флоренция, его изгнавшая, и Равенна, приютившая изгнанника.

Район Флоренции, где когда-то стоял дом семьи Алигьери, был давно застроен новыми зданиями, но к делу подключились историки и археологи. Они достаточно точно установили бывшее местонахождение родового гнезда великого классика. В 1911 году началось его воссоздание.

Сейчас в Доме-музее Данте представлено много книг, монет, керамики и других предметов XIII—XIV веков. Они не имеют прямого отношения к Данте, но создают атмосферу, помогающую представить быт семьи Алигьери. Семья ростовщика — человека довольно зажиточного, но не уважаемого обществом. Представим тот, старый дом и мы.

* * *

— Паола, Паола, проснись! А неужели, правда, ростовщики грешнее убийц?

— Ох, и что же не спится тебе? Скоро уж колокол прозвонит, а ты все вертишься!

— Паола, это слишком важно. Как можно спать, когда не дает покоя такой вопрос?

— Как, как... А вот так, — отчаянно зевая, проворчала нянька и решительно укутала мальчика пуховым одеялом. Снова улеглась подле кровати — на пол, застеленный потертыми коврами.

— Мне бы такую кровать, как у тебя, — продолжала она бурчать себе под нос, — я б уж наспалась всласть! И перинка,

и балдахин, чтоб мухи не кусали. Так он сам себе покою не дает, хуже мухи! Смотри уж, за окном сереет. Никак и впрямь колокол скоро? Или то луна, не пойму...

Женщина попыталась расположиться на жестком ковре поудобнее, но за перегородкой раздался плач младенца. Кряхтя, она поднялась и поковыляла туда — досмотреть за молодой кормилицей. Паола была старшая служанка в доме Алигьеро Алигьери, потомка легендарного рыцаря Каччагвиды, сраженного кривым сарацинским ятаганом в бою за Гроб Господень. До прошлого года она к тому же официально считалась нянькой хозяйского первенца, Дуранте. Теперь бывший воспитанник не нуждался в опеке, но Паола продолжала, по старой памяти, спать в его комнате.

Нянькины шаги стихли. Издалека послышались воркующие увещевания. Они мягко обволакивали младенческие всхлипы, те затихали, становясь реже. Наконец наступила тишина.

Мальчик пошарил под периной. Осторожно, стараясь не скрипнуть кроватью, встал и подошел к узкому высокому окну, затянутому импанатой — густо наскипидаренным полотном. Ткань промасливали, чтобы сделать прозрачнее, — якобы так лучше проходил свет.

Ничего не лучше. Даже полная луна, стоящая прямо перед окном, давала какую-то невразумительную серость. При этом освещении пять коралловых шариков казались зловеще черными. Может, все же стоит сказать о них отцу?

Его размышления прервали приближающиеся шаги Паолы. Одним прыжком ребенок преодолел расстояние от окна до кровати, но нянька успела заметить непорядок.

— Опять не спишь! Вот патер-то узнает! — грозно начала она, но сразу смягчилась: — Ты бы поспал, Данте, а то гляди, в школе болваном выйдешь, учитель побьет.

При воспоминаниях о школе мальчик сердито засопел:

— Паола, мне уже восемь лет. Изволь называть меня полным именем.

— Успеешь еще поназывать. — Нянька снова безуспешно пыталась укутать его одеялом. — Да и не похож ты пока на свое имечко. Дуранте! Это же значит — твердый, терпеливый. А ты плачешь всякий божий день.

«Гадкие слезы! — думал он, зарываясь лицом в подушку. — Пожалуй, я не смогу объяснить отцу про четки, разрыдаюсь. Тайно подложить ему в комнату? Ну уж нет! Грешник должен понести наказание!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru